

2Б-58

Н.С амсонов

Восемь лет в ЛСПБ.

/Восемь лет в ЛСПБ в борьбе с беззакониями и психиатрическими подлогами/

ЛСПБ - "Ленинградская специальная психиатрическая больница". Она находится в Ленинграде на Арсенальной улице, №9.

Тюремные здания, в которых находится ЛСПБ, построены еще в царское время для женской тюрьмы /"Малые кресты"/. Из четырех зданий, окруженных высокой кирпичной стеной со сторожевыми вышками для часовых, три занимает ЛСПБ, а четвертое так и осталось женской тюрьмой вплоть до 1962 года.

Три здания, занимаемые ЛСПБ, отличаются своими внутренним устройством: первое здание пятиэтажное, типично тюремное, с большим внутренним коридором и внутренними лестницами между всеми этажами, состоит из маленьких камер на двух человек с маленькими, высоко расположеными окнами. Два нижних этажа занимают экспертное отделение; второе здание - четырехэтажное с вестибюлем, выходящим на Арсенальную улицу. На первом этаже помещается администрация больницы: кабинеты начальника и главного врача, канцелярия, бухгалтерия и прочее.

Три верхних этажа занимают 6, 7, и 8 отделения, имеющие, главным образом, большие камеры на 20-30 человек и только по две камеры на 4-х человек. Окна в этом корпусе в половину нормальных/то есть раза в 4 больше, чем в I-м здании/. На отделениях этого корпуса есть столовые, в которых завтракает, обедает и ужинает большинство содержащихся на этих отделениях.

Третье здание, расположенное поодаль от двух первых в глубине больничного двора за корпусом женской тюрьмы - единственное нормальное-больничное трехэтажное здание с нормальными окнами. На первом этаже этого здания расположены хирургическая операционная, зубоврачебный кабинет, физиотерапевтический кабинет, рентгеновский, и лаборатории анализов. На втором этаже - 10-е отделение "для выздоравливающих"- самое открытое и культурное из всех отделений ЛСПБ. На третьем этаже расположено II-е терапевтическое отделение для больных желудочно-кишечными и другими соматическими заболеваниями с туберкулезным подотделением.

Против третьего корпуса расположен порядочный садик, в который выходят на прогулку 10 и II-ое отделения, а также некоторые из других отделений, которые работают в картонажной и других мастерских в порядке трудотерапии.

До 1958 года ЛСПБ именовалось именовалось ЛТПБ, что значило: Ленинградская тюремная психиатрическая больница.

Переименование из тюремной в специальную было приурочено к какому-то преобразованию на верхах. В самой ЛСПБ это выразилось в том, что начальником больницы вместо тюремного администратора стал бывший главный врач, режим питания стал менее тюремным и более больничным, а режим прогулок стал менее больничным и более тюремным, сократившись с 3-х часов до 2-х. Тюремные решетки на тюремных окнах, запоры на тюремных камерах и тюремная стража в тюремных коридорах и на тюремных вышках тюремных стен остались неизменными. Подводя итог упомянутым преобразованиям, можно с несомненностью констатировать, что замена "tüремной" на "специальную" было только словесным камуфляжем.

Всего в ЛСПБ может находиться порядка 1000 человек мужчин/женщины бывают только на экспертизном отделении/.

Глава I Экспертиза.

В ЛСПБ я был доставлен на "воронке" часов в 7 вечера 26 ноября 1956г. из следственной тюрьмы ЛО КГБ, где находился под следствием после ареста 6 ноября 1956 года. О себе, причинах ареста и направления в ЛСПБ я расскажу дальше. Куда меня повезли и куда привезли мне не сообщали, так что куда я попал, нужно было догадываться по обстановке. Обстановка тюремная, а персонал в больничных белых халатах- следовательно тюремная больница, но какая и где, это я узнал только позже.

Два-три дня я просидел в камере один и никто мной не интересовался. Оказалось, что врач-психиатр, ведающий экспертным отделением, находился в командировке. Наконец, свидание с психиатром состоялось.

Психиатром- главным экспертом и начальником экспертного отделения оказалась Кельчевская Раиса Михайловна, возрастом по всем признакам не менее восьмидесяти лет, очень похожая на пиковую даму, как ее представляют в опере Чайковского. Про себя я так ее и окреши:

Состоялся следующий разговор/буивой К я обозначаю врача, а С-себя/.
К - Вы знаете, где находитесь?

С - Точно не знаю,-мне не сообщали, но догадываюсь, что в какой-то тюремной больнице.

К - А почему Вас привезли сюда,-знаете?

С - Догадываюсь, что следователь, вероятно, где-то в документах нашел, что я три раза, в 1935 году, в 1939 году и в 1941 году лечился в Психиатрической клинике Военно-медицинской Академии по поводу циклотимии, и поэтому направил меня сюда на экспертизу.

К - Но циклотимии невменяемости не дает.

С - Мне это известно и я pronto отправить меня обратно к следователю.

К - Так что же, вы не просились на экспертизу?

С - Нет, не просился. И вообще об этом и речи не было. Не понимаю,

— 3 —

зачем меня повезли, когда можно было справиться по телефону. Вы, пожалуйста, позвоните следователю КГБ Силину и скажите, чтобы меня забрали обратно, или отправьте сами.

К - Нет, это друное дело. Если следователь сам Вас направил сюда, мы должны произвести экспертизу. Мы запросим документы из психиатрической клиники ВМА.

С - Сколько же времени я здесь пробуду?

К - Ято-нибудь около месяца.

Режим экспертного отделения.

Режим экспертного отделения самый жестокий в ЛСПБ. Не полагается ни слушать радио, ни читать газеты, ни иметь свиданий с родственниками, ни писать, ни получать писем.

Питание одинаково на всех отделениях - три раза в день. Утром в восемь часов завтрак: каша и чай /хлеб 600 г, масло 20г, сахар 30г на весь день/. В два часа обед: суп, второе и кружка компота.

Курить дают дежурные солдаты 6 раз в день, то есть через 3 часа, кусок газетной бумаги и порцию махорки на закрутку.

Вечером в 18 часов ужин: винегрет или каша и чай.

В 12 часов прогулка в загородках по 1 часу.

Передачи разрешены два раза в месяц в лимитированном ассортименте. Из библиотеки книги приносят раз в десять дней по 2 книги на человека.

Происшествие в день Конституции.

В течении первой же недели я сидел в камере один. Во вторник, 4 декабря, накануне дня Конституции, психиатр Кельчевская на обычном обходе камер, который бывает после завтрака в 9-II часов, сказала, что мне, наверное, скучно в камере одному. Но я заверил ее, что мне одному, наоборот, лучше, и просил ее по возможности никого ко мне не помешать. Однако, перед обедом ко мне в камеру стали вносить вторую койку, и, я понял, что кого-то ко мне все-таки подселяют. Попытался протестовать, потребовал, чтобы позвали Кельчевскую, но мне ответили, что она распорядилась перевести ко мне в камеру из другой и уже ушла, так что никто отменить ее распоряжения уже не может. Пришлось смириться с появлением соседа. Им оказался литовец по фамилии Мелаускас, мрачно и злобно глядевший на меня из-под лобья и ни слова не отвечавший на обращенные к нему вопросы.

На другой день - 5 декабря после обеда, в "тихий час", когда я задремал на своей койке, Мелаускас, вооружившись как-то отломанной от своей кровати тяжелой перекладиной, ударил меня ею по голове.

Случайно не потеряв сознания от первого удара/наверное, удар несколько амортизирована подушка, на которой лежала моя голова во сне/, я вскочил и, увидев, что Мелаускас размахнулся для следующего удара, сразу всем телом прильнул к нему, а левой рукой схватился за его правую руку, в которой он держал железную перекладину. Мелаускас оказался физически слабее меня и мне удалось в завязавшейся борьбе вырвать у него перекладину. Убивши Обезоружив безумца, я передал его и отнятую у него перекладину явившимся на мой крик дежурному солдату и фельдшеру. Мелаускас был спеленут и помещен в соседнюю пустовавшую камеру. Для меня вызвали дежурного врача. Была сделана перевязка рассеченной ударом кожи на голове / череп не пострадал/ и противостолбнячная инъекция.

На следующий день - 6 декабря на утреннем обходе Кельчевская удивила меня интерпретацией происшедшего. Она сказала, что я сам виноват в том, что произошло, так как я с "кем-то" на прогулках разговаривал на политические темы и "кто-то" решил, что я враг народа и поручил Мелаускасу расправиться со мной, но что Мелаускас вменяемый и понесет наказание за нападение на меня.

После описанного происшествия я в течение примерно полумесяца оставался в камере один и у меня было достаточно времени по-размышлять над происшедшим.

Поразмыслив, я решил, что в моем положении благоразумнее всего счесть описанное происшествие случайностью, не жаловаться и не требовать следствия, хотя множество обстоятельств этого проишествия были по меньшей мере странными:

1. Чтобы мне "не было скучно", психиатр вопреки моей просьбе никого не подселять, переводит накануне праздника литовца, который вообще не разговаривает и даже не отвечает на вопросы, и мне так и осталось неизвестным, понимает ли он русский язык. Ничего себе - веселый сосед.

2. На отделении были свободные камеры и поэтому уплотнять мою камеру не было необходимости.

3. Койка, которую принесли в мою камеру для Мелаускаса, была такая, что, например, невозможно было бы сделать даже очень сильному человеку с моей койкой - я это проверил сам.

4. Если верить сказанному психиатром Кельчевской, то выходит, что по ее словам, "кто-то" поручил расправиться со мной. Как же это получилось, если не было у психиатра намерения помочь осуществлению расправы?

Несмотря на все эти соображения, я решил ничего не предпринимать, так как, если бы существовал, как полагается, прокурорский надзор, то он сам должен был бы расследовать происшествие, ибо приходивший делать мне перевязку врач и корпусной, как я видел, сведения о произошедшем записали в журнал.

Мне же тут проявлять инициативу и, в особенности, ссылаясь на сказанное психиатром было неблагоразумно, так как в случае не подтверждения психиатром сказанного мне, появлялась возможность приписать мне некую "психическую ненормальность" / слышал-де то, чего не говорилось!/. И так могло быть со всем тем, в чем мои показания не сошлись бы с официальной версией, которая была мне неизвестна. Вот соображения, по которым я решил ничего не предпринимать в ожидании экспертизы и все дальнейшее пребывание на экспертизном отделении занимался чтением библиотечной литературы.

Здесь я теперь помешу краткие сведения о себе и своем отношении к психиатрам, какое я имел до того, как я попал в ЛСИБ.

Краткие автобиографические сведения о Самсонове Николае Николаевиче.

Я родился 3 апреля /н.ст./ 1906г. в городе Петербурге/ныне Ленинград/.

Отец - служащий Государственного Конроля - делопроизводитель в чине надворного советника - Самсонов Николай Ефимович /1871-1912г./ Мать - Ольга Ильинична, урожденная Воронкова /1880-1959гг./ Сестра-Мария/1908/ и брат Владимир /1909-1961/.

С 1915г. по 1922г. я учился в средней школе /5 гимназия - 48 трудовая школа/. В 1929 году окончил Ленинградский Государственный Университет, физико-математический факультет, математическое отделение, астрономо-геофизический уклон.

С 1926 года, еще будучи студентом, начал работать по геофизической разведке/гравиметрия/ сначала в тресте Эмба-нефть, а затем с 1927 года и вплоть до 1936 года в системе Геологического Комицета - Главгеологии в качестве начальника гравиразведочных партий: в 1927 году Соликамской /калийные соли/, в 1928 Кызылталиской /корунд/ и Баскунчакской /соль/, в 1929 году Донбасской/уголь/, в 1930 г. Баскунчакской/соль/.

В 1931 году руководил группой гравиразведочных партий в Донбассе и в Баскунчаке. С 1932 года по 1936 год работал консультантом - куратором Главгеологии по проблеме Большого Донбасса и в качестве члена тройки по проблеме Б. Донбасса / П.И. Степанов, Е.О. Погребицкий, Н.Н. Самсонов/ руководил комплексными геофизическими работами методами магниторазведки, гравиразведки, электроразведки и сейсморазведки.

С 1936 года переведен на работу в систему Главсевморпути для руководства комплексными геофизическими работами в Арктике: 1936-37г. в Амдерме/ флюорит/; в 1938-40 г. в районе бухты Кожевникова/соль, нефть/.

~ 6 ~

Решением Высшей Аттестационной комиссии от 5 апреля 1939 г.
утвержден в звании старшего научного сотрудника по специальности
"геофизическая разведка".

6 июля 1941 г. вступил добровольцем в Ленинградское народное
ополчение и был на фронте под Ленинградом. 15 марта 1942 года
по затребованию Главсевморпути демобилизован и направлен в Аркти-
ку, в Норвикскую экспедицию, где работал до 1946 г. В 1946 году
награжден орденом "Знак Почета" и медалями "За оборону Ленинграда"
"За победу над Германией" и "За доблестный труд".

С 1946 года по 1954 год вел научно-исследовательскую работу
в Ин-те Геологии Арктики /НИИГА/ и во Всесоюзном институте раз-
ведочной геофизики / ВИРГ/.

Постановлением Совета Министров Союза ССР от 3-го марта 1950 г.
мне и С.А. Поддубному присуждена Сталинская премия третьей сте-
пени за разработку конструкции и освоение технологии изготовления
нового типа гравиметра.

В 1951-52 гг. был начальником гравимагнитной вертолетно-самолет-
ной экспедиции в Таймырской депрессии, организованной в НИИГА по
Постановлению Совета Министров СССР.

В 1954 году переведен во вновь организуемый в системе Министер-
ства Геологии Институт техники разведки /ВИТР/, где и работал
вплоть до 6 ноября 1956 года.

Имею 15 печатных работ, в том числе два коллективных учебника
по гравиметрии, 4 изобретения и несколько технических усовершен-
ствований.

х х х

Теперь кратко о моей психиатрической предистории.
Впервые мне пришлось лечиться в психиатрической клинике Военно-
медицинской академии в апреле 1935 года. В это время, как раз
в период организации крупных комплексных геофизических работ на
восточной окраине Донбасса, которые должны были охватить огромную
территорию от Усть-Медведицкой на севере до предгорий Кавказа на
юге, я утратил всякую работоспособность, и не только всякий ин-
терес к работе, но и вообще к чему бы то ни было на свете. В та-
ком состоянии по совету психиатра Н.Н. Тимофеева мои родственни-
ки показали меня / собственной инициативы в этом состоянии у ме-
ня не было никакой/ начальнику психиатрической клиники Военно-
медицинской академии им. Кирова профессору-психиатру Осинову, и
он, поставив диагноз "циклотимия", предложил положить меня в его
клинику для лечения. Лечили меня лизатами, циркулярным душем и ~~этих~~
солено-хвойными ваннами, но главное в лечении был полный отдых.
Первое время я спал в клинике по 14 часов в сутки. Через полтора
месяца я вышел из клиники полностью восстановив работоспособность
и, приступив к работе, справился с теми трудными задачами, которые

нужно было решать в течении лета, осени и, частично, зимы 1935г.

Второй раз я лечился по поводу циклотимии в той же клинике ВМА в 1939 году также в период апрель-май. Поправившись в течении месяца, я приступил к работе в качестве начальника Нордвикской экспедиции Арктического института.

Третий раз я лечился от циклотимии в клинике ВМА уже во время войны в ноябре-декабре 1941 года, когда остатки дивизии народного ополчения были эвакуированы с "Оранienбаумского пятака" в Ленинград через Финский залив на пароходе в ночь с 9 на 10 ноября.

Кроме этих трех случаев особенно тяжелого депрессивного состояния, вызывавшего необходимость лечения в клинике, у меня почти ежегодно за редкими исключениями наблюдалась регулярная смена состояния повышенной работоспособности, как правило, в летний период, и следующего за ним падения настроения и работоспособности в зимне-весенний период, особенно болезненно протекавшего после того, как в период летнего подъема приходилось по условиям работы сильно перенапрягаться. Так было летом, осенью и зимой 34 года, и это вызвало сильную депрессию 1935 года. Так было и летом, осенью и зимой 1938 года, за которыми последовала депрессия 1939 года. И, само собой понятно, напряжения лета, осени и зимы 1941 года - начала войны и блокады Ленинграда.

В 1953-54 году, когда я занялся изучением вопроса о связях мышления и языка / подробней об этом будет рассказано дальше / и изучал в связи с этим труды академика И.П. Павлова, я в томе П. Павловских "Сред" нашел следующие высказывания И.П. Павлова по вопросу "О шизоидах и циклоидах Кречмера". / См. том II "Сред", стр. 533, среда 31/X-34г./

" Циклоидный тип - это тип сильный. Это есть на и возбудимый тип, а шизоидный тип - это наш слабый тип, это непременно так. К циклоидному типу относятся сильные люди, у которых нет уравновешенности между раздражительным и тормозным процессами. Понятно, что вся ровность жизни, вся нормальная система поведения основана на том, что существует уравновешенность в работе и отдыхе, в раздражительном и тормозном процессах. Когда же у сильного человека нет такого равновесия, то он, увлекшись каким-нибудь делом, чересчур налегает на свои средства и силы и, в конце концов, рвется, истощается больше, чем следует, он дорабатывается до того, что ему все невмоготу, наступает чрезвычайно длительный период восстановления. Циклоидный тип, это циклический неурав-

новешенный сильный тип. Я думаю, мы имеем полное право, на основании лабораторных исследований поправить эту всеобщую ошибку. Нужно различать не шизоидов и циклоидов, а возбудимый тип с его циркулярностью и слабый тип. Психотики выходят из возбудимого неуравновешенного типа, - а шизоиды - это слабые.

Ф.П. Майоров:

Понятно, что не все сильные - это возбудимые холерики - они циклоиды. Циклоид - это понятие более узкое, потому что не все возбудимые, конечно, цикличны.

И.П. Павлов:

На это я Вам скажу следующее. Я возбудимый тип и, конечно, типичный циклоид, я постоянно переживаю периоды сильного возбуждения, непременно сменяющиеся слонявшим настроением, неверием в себя, сомнениями. Так что это просто степень только и больше ничего."

Из этой Павловской характеристики циклоидов ясно видна сущность заболевания циклотимией и понятно почему, как сказала мне Кельчевская, она "не дает невменяемости" вернее, не дает невменяемости, если преступление состоит в действии, ибо при циклотимии даже в сильно депрессивном состоянии все действия совершаются сознательно. Другое дело, если преступление, в котором обвиняется больной циклотимией, состоит в бездействии. В этом случае, мне думается, находящийся в депрессивном состоянии циклотимик может быть признан невменяемым.

Я не знаю, так ли это трактует судебная психиатрия, но по самой сути заболевания казалось бы так должно быть именно так.

Поскольку я обвинялся в действиях, а не в бездействии, и наши психиатры - "павловцы"/ во всяком случае все заявляют себя его последователями/, я был уверен, что буду на экспертизе признан вменяемым и с нетерпением ждал ее.

В конце декабря ко мне в камеру поместили еще одного, но на этот раз у меня спрашивали согласия, в смысле выбора - с кем я хочу быть в одной камере. Помещен был шофер-алкоголик, в пьяном виде кого-то избивший. В трезвом виде он был спокойным и я с ним пробыл в камере дней десять, после чего по моей просьбе его заменили другим.

Экспертиза.

Экспертиза состоялась в четверг 10 января. Она происходила в кабинете начальника больницы и на ней присутствовали профессоры И.Ф. Случевский и Н.Н. Тимофеев, следователь КГБ Силин, который

вело мое дело, Кельчевская и еще много врачей, которых я не знал.

Мне задавали вопросы - я отвечал. Это продолжалось минут 15-20.

На другой день при обходе Кельчевская сообщила мне результат экспертизы: "Мы не согласились с диагнозом психиатрической клиники ВМА, определили у Вас другое заболевание - "паранояльное развитие личности" и признали Вас невменяемым."

Я сказал, что категорически протестую против этого решения и потребовал, чтобы мне дали бумаги и письменные принадлежности, чтобы я мог написать соответствующее заявление.

Бумагу, чернила и перо мне дали и я написал протест. На мой вопрос Кельчевская ответила, что на заседании суда, где будет решаться мое дело, я смогу присутствовать.

Как выяснилось в дальнейшем - это было неверно. 7

От экспертизы до первой центральной комиссии.

В ЛСПБ главным органом, решающим судьбу заключенных, является так называемая центральная комиссия, сессии которой происходят в ЛСПБ в среднем через 8 месяцев / 3 сессии за два года/.

Состав этой комиссии довольно неопределенный, иногда она бывает довольно многочисленна, а иногда сводится к четырем человекам, а именно: 1. Председатель - приезжающий из Москвы сотрудник Института Сербского. За годы, проведенные мной в ЛСПБ, это был С.В. Торубаров. [2. Главный врач ЛСПБ - А.П. Дементьев/с 1958 года/.

3. Начальник отделения, на котором находишься во время комиссии.

4. Лечебный врач.] Когда начальник отделения является и лечебным врачом, комиссия сводится к трем членам.

Иногда из Москвы вместе с С.В. Торубаровым приезжали какие-то другие лица, присутствовавшие на заседаниях комиссии. Кто это бывал, мне неизвестно. [часто на заседаниях комиссии присутствовал прокурор по надзору и некоторые психиатры ЛСПБ.]

Центральная комиссия работала в ЛСПБ в течение примерно одного месяца, переходя с отделения на отделение. При этом состав комиссии менялся, то расширяясь, то суживаясь вплоть до указанных трех непременных членов.

Кроме этой комиссии, называемой "центральной"/эта "центральность" определялась, очевидно, приездом председателем комиссии/, в ЛСПБ существовала местная комиссия, на которой рассматривались дела тех, кого центральная комиссия решала поручить местной.

Дальнейшее описание моего пребывания в ЛСПБ я подразделяю на главы, охватывающие периоды от одной центральной комиссии до другой, так как условия моего пребывания в ЛСПБ изменялись именно после сессий центральной комиссии.

После экспертизы, то есть после 10 января 1957 года, мне пришлось на экспертизном отделении пробыть еще месяц. Наконец, 12 февраля, меня перевели на 10-е / в то время 7-е / отделение - лучшее в ЛСПБ отделение выздоравливающих, которым заведовал психиатр Леонид Алексеевич Калинин, с которым я был знаком, так как он заведовал психиатрической клиникой ВГА, когда я там лечился в ноябре-декабре 1941 года.

После трехмесячного пребывания в тесной тюремной камере в условиях жестокого режима было большим облегчением попасть в почти нормальные больничные условия открытых в дневное время палат, слушать радио, читать газеты и два раза в месяц получать свидания с женой. Мне было разрешено получать в передачах кофе и чай, писчую бумагу, тетради, получать и пользоваться авторучкой.]

Когда я поступил на 10-е отделение, там было очень просторно - почти половина коеч пустовала. Мне рассказали, что не так давно, в 1956 году, в ЛСПБ была какая-то комиссия ЦК КПСС, которая произвела много изменений: облегчила режим, на 10 отделении на дневное время сделала все палаты открытыми и т.п., и многих выписали, а новых поступать стало меньше.

В марте я был поселен в маленькую палату на трех человек и ставить выдачей библиотечных книг, которые в количестве приблизительно шестидесяти ежемесячно приносили из больничной библиотеки на отделение.

Из бесед с психиатром выяснилось, что следственного дела и документов к нему врачи ЛСПБ, как правило, не получают. Поэтому в марте я начал по памяти восстанавливать некоторое самое важное из написанного мной, дабы психиатр мог составить себе представление о разумности написанного мной, моем психическом состоянии и вменяемости.

На 10-м отделении я не закончил эту работу, так как 6 апреля у меня начался острый приступ холецистита и меня 8 апреля перевели на этаж выше на терапевтическое II-е отделение / в то время 6-ое / к психиатру Лидии Александровне Алексеевой - начальнику II отделения.

Недели через две приступ холецистита у меня прошел и я смог продолжать начатую на 10-м отделении работу по восстановлению своих документов. Здесь, как и на 10-м отделении, я мог пользоваться авторучкой, бумагой и тетрадями.

К маю я восстановил и передал Л.А. Алексеевой для ознакомления четыре документа, имеющие прямое отношение к обвинению меня по статье 58-10:

1. Авторецензия на тетрадь П "Мысли вслух".
2. Письмо секретарю Окт. Райкома Закурдаеву.
3. Сопроводительное письмо в ЦК КПСС от 19 авг. 1956 года.
4. Начало статьи "Вы с нами, коммунисты?".

Не обнаружив в них никаких признаков психической ненормальности она познакомила меня с актом экспертизы от 10/1-57г. и решением Ленгорсуда от 18/П-57г. Так я узнал, что суд рассматривал мое дело без меня и без моих законных представителей/ жена не была поставлена в известность о заседании суда./

Из акта экспертизы, прочтенного мне врачом, я увидел, что в обосновании диагноза "паранояльное развитие личности" положено не написанное мной по политическим вопросам, а мои исследования по вопросу языка и мышления.

Л.А. Алексеева продиктовала мне формулировку акта, в которой содержалось нечто похожее на обоснование диагноза. Вот она:

"На фоне искажения общепринятых научных положений развертывает систематизированную бредоподобную продукцию о многообразных связях и отношениях объективного мира, примерно: дает определение мышления на базе непосредственных образов, отвергая вторую сигнальную систему, то есть опосредованное отражение действительности с помощью слов."

О решении Ленгорсуда Л.А. Алексеева сказала, что оно составлено противоречиво и теперь внясняется, как с ним быть.

Дело в том, что в этом решении записано о "принудительном лечении с освобождением из-под стражи", а здесь это невыполнимо, так как вся больница под стражей.

Если это решение Ленгорсуда останется в силе, то меня надо будет переводить в гражданскую больницу- "а там ни дня держать не будут"- сказала Л.А. Алексеева и спросила,- "Что вы будете делать, если Вас выпустят? "- Я ответил, что у меня ничего не изменилось и я буду делать все то, что делал и до посадки и попадания сюда.

В течение мая-июня я, пользуясь материалами, принесенными женой, написал статью по вопросу соотношения мышления и языка, объемом примерно 6 печатных листов, "Как решает академик В.В. Виноградов вопрос о связи языка и мышления?" На черновике статьи у меня стоит дата окончания рукописи 16/УП-57г., то есть она была окончена накануне дня центральной комиссии, но я знакомил Л.А. Алексееву с ней по мере написания, так что к моменту окончания она уже была полностью с ней ознакомлена и накануне комиссии, когда я вручил ей рукопись статьи, а также все ранее восстановленные документы, сказала мне, что будет пред-

ставлять меня на комиссию как психически совершенно здорового и вменяемого и мне нужно готовиться вернуться в тюрьму.

Я поблагодарил и сказал, что это соответствует моим желаниям. Кроме того, я показал ей, написанное мною в шутку, следующее:

"Иногда мне кажется, что я - петух голландский,
Иногда - что король псковский.
Но больше всего мне нравится
Моя собственная фамилия - Маяковский."

Мои галлюцинации.

Мне кажется, что я:

- 1/ Курица, захотевшая пить в момент, когда "у мельника вода плотину прососала".
- 2/ Маленький мальчик из сказки Г.Х. Андерсена "Новый наряд короля", крикнувший:—"А король-то голый!"
- 3/ Сапожный подмастерье из сказки Л. Толстого, сшивший купицу вместо заказанных сапог покойницкие тапочки.
- 4/ Влесна, попавшая вместе с крючком в щучью пасть.
- 5/ Гайка, запущенная в мясорубку.

Кроме этого и разной другой чертовщины, мне кажется, что моя фамилия Самсоновисколько не хуже фамилии Маяковский.

16/УП- 57 г.

Л.А. Алексеева попросила у меня эту шуточную записку для комиссии. Когда я заметил, что с психиатрами шутить опасно, ибо они могут и в самом деле посчитать, что у меня есть галлюцинации,, она уверила меня, что поймут все правильно, именно так, как я хочу.

На следующий день 17/УП-57г. состоялась центральная комиссия. Ее состав в этот раз был довольно обширный. Кроме председателя - С.В. Торубарова, глав. врача П.В. Блинова и Л.А. Алексеевой присутствовали прорессора И.Ф. Случевский и Н.Н. Тимофеев, прокурор по надзору Алексеев и врачи других отделений Р.М. Кельчевская, А.П. Дементьев.

С.В. Торубаров спросил меня, за что я получил Сталинскую премию, и когда я ответил, сказал, что они, учитывая мои заслуги, предлагают выписать меня из больницы, чтобы я занимался только геофизикой. Я сказал, что из этого ничего не выйдет, и что я хочу признания вменяемости. На следующий день мне сообщили, что комиссия постановила оставить меня "для лечения".

От первой до второй центральной комиссии.

26 июля в связи с тем, что мой хронический холецистит пришел в норму, меня перевели обратно на 10 отделение к Л.А. Калинину.

Статью по мышлению и языку, написанную на II отделении, я привел в чистовой вид, несколько переработав и изменив заглавие на следующее: "Материалистическая диалектика в решении проблемы соот-

ношения языка и мышления."

В августе, когда Л.А. Калинин вернулся из отпуска, я дал ему на просмотр эту статью и все другие материалы.

К 20 октября он закончил чтение моей статьи и сказал, что находит ее правильной и будет защищать/ надо понимать, на следующей центральной комиссии/.

Я об этом написал жене в письме от 21/X, и при врачебной цензуре Л.А. Калинин это сообщение пропустил./ Все письма ВЧССП и посылаемые и получаемые, проверяются психиатрами, а иногда еще и другими инстанциями/.

Это дало мне уверенность, что обещание "защищать" Л.А.Калинин дал всерьез, а не сболтнул в разговоре с "психом". Признание моей статьи не только разумной, но и правильной, позволило обратиться с просьбой о разрешении передать рукопись жене для машинописи. И такое разрешение было дано, правда не так скоро - только в середине декабря.

Что же касается моих писаний по политическим вопросам, то тут, конечно, рассчитывать на их признание правильными я не мог, вполне достаточно было признание того, что в них нет ничего патологического.

Свои письма жене я писал, учитывая, что они прочитываются психиатром, и включал в них высказывания, обосновывающие мои взгляды и действия так, чтобы были видны критерии вменяемости. Приведу несколько примеров из отправленных в этот период писем, полученных женой:

I. В письме от 12/XI-57г. я поставил такой эпиграф:"... меня заставляет какая-то внутренняя сила, которой я не могу победить, высказывать истину- даже в тех случаях, когда она мне вредна" /Герцен, "Выloe и думы"/, а в самом письме я писал, например, так:

"... Я принял к неуклонному руководству те требования, которые Ленин сформулировал в "Лучше меньше, да лучше" к " элементам действительно просвещенным", каковым элементом я хотел склонить стать. Вот эти требования:

" Для этого нужно, чтобы лучшие элементы, которые есть в нашем социальном строе, а именно: передовые рабочие, во- первых, и, во-вторых, элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они 1/ни слова не возьмут на веру;

2/ни слова не скажут против совести;

3/ не боялись бы признаться ни в какой трудности;

4/ не побоялись бы никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели."

У Ленина эта фраза не подразделена так, как я это сделал, чтобы лучше выделить каждое из этих требований. Эти требования

тогда так пришлись мне по вкусу и органически усвирлись, что я принял их так, как будто бы сам придумал, и поэтому мне не представляло труда затруднений исходить из них в любых конкретных условиях всегда и во всем".

И дальше в том же письме написано следующее:

" Я, например, хочу убеждать и доказывать, но ничего не хотят слушать, ибо не хотят поставить под сомнение себя и свои взгляды. Хорошо! Я согласен авансом признать, что я не прав, что я запутался. Я согласен поставить все под сомнение. Больше того, учитывая рабстановку, в которую ввергнут, я согласен допустить, что я " психопат" и только прошу показать мне ее, психопатии, проявления, - надо же лечиться.

Я прошу, я умоляю показать мне: где, в чем, в каких исходных положениях, в какой аргументации таятся ошибки? Как только они будут вскрыты - я капитулирую.

Вот это - компромисс не только допустимый, но и обязательный. А недопустимый компромисс, - это согласиться от всего отказаться под угрозой физического принуждения, применение которого уже, само по себе, доказывает обратное.

Ты знаешь, что от такого компромисса я отказался в июне 1956 года, когда был в Райкоме, теперь это стало еще невозможнее, ибо запуталось психиатрией и компромисс предстоит уже в виде симуляции " выздоровления". Это исключено ся всех точек зрения. Тут я стою насмерть."

Вот так я старался через письма жене давать прочитывающему эти строчки психиатру материалы для определения состояния моей вменяемости. Кроме того, он и сам в беседах и отдельных вопросах а иногда и стороной, через других, проверял мои реакции на различные ситуации. Например, спрашивал - почему это я не прячу своих рукописей. Некоторые, говорит, у нас, когда уходят в баню, то исхитряются всячески запрятать свои документы и берут их с собой. / В ЛСИБ, когда уводят очередных 30-40 человек в баню, в их комнатах или камерах производится всеобщий обыск - "шмон"/. Я ответил, что считаю это глупостью, ибо в любой момент, когда захотят просмотреть все, что у меня есть, меня могут запереть голого в ванной и все пересмотреть. А кроме того у меня нет никаких секретов.

Были случаи, по-видимому инспирированные, когда некоторые из соузников, например, "по секрету" говорили, что мол, такой-то и такой-то французский шпион и здесь, дескать, занимается вербовкой, и нужно сообщить об этом врачу. Причем говорил это человек которого трудно было заподозрить в том, что он серьезно это думал.

В таких случаях я отвечал, что это не наше дело и ничего я сообщать врачу не буду и ему не советую.

К февралю 1958 года, когда ожидалась новая сессия центральной комиссии, Л.А.Калинин был вполне убежден в моей психической нормальности и, готовя меня к комиссованию, советовал мне в комиссии "напирать на логику". Мне казалось, что теперь-то я близок к избавлению от психиатрического ярлыка - ведь уже второй психиатр после длительного наблюдения будет представлять меня вменяемым. Но нетут-то было.

6 февраля в конце дня, часов в 16, когда врачи отделения уже ушли, ко мне пришли старшая сестра и корпусной и сообщили, что по распоряжению главного врача я перевожусь на 7-ое /тогда 4-ое/ отделение и мне н немедленно надо собирать свои материалы и отправляться на новое место.

Так я внезапно очутился на другом отделении на третьем этаже второго корпуса в большой закрытой камере человек на двадцать. О причинах моего внезапного переселения на другое отделение я сразу догадался, так как с утра именно 6 февраля психиатры 7-го отделения были заняты с главным врачом вопросами подготовки к центральной комиссии.

Видимо, Л.А.Калинин сообщил о своем намерении представить меня на комиссию вменяемым, а этого не хотела допустить администрация ЛСПБ.

На следующий день /или в ближайшие дни,- я уж не помню/ состоялась беседа с новым психиатром - нач. отделения Галиной Николаевной Гоник-женщиной 55-60 лет.

Лейтмотивами разговоров с её стороны были:

1. Вам нужно выписываться и браться за свою работу по геофизике - Ваше место в институте сохраняется для Вас.
2. Вас судить не будут ни в коем случае - Вы этого не добьётесь.
3. Вы никому ничего не докажете.

Она предложила мне подумать о выписке из ЛСПБ и, если я соглашусь, сказать ей, и она подготовит меня к комиссии.

Через день-два, при новой беседе, я сказал, что твердо решил требовать признания правильного диагноза психиатрической клиники ВМА - "циклотимия" и соответственно признания вменяемости.

Я решил, что если даже действительно "никому ничего не доказать", то может быть тем, кто занимается психиатрическими подлогами, кому-нибудь и что-нибудь удастся доказать.

Я поинтересовался, как же она меня, переведенного к ней накануне центральной комиссии, будет ей представлять. На это Г.Н. Гоник сказала, что докладывать обо мне придет Л.А. Калинин. Я просил, чтобы на комиссии была приглашена также и Л.А. Алексеева и чтобы таким образом были врачи, имевшие со мной дело в течение всего 1957 года.

Надо сказать, что лично Г.Н. Гоник отнеслась ко мне очень внимательно и сочувственно и, несмотря на мой категорический отказ последовать

ее советам и уговорам ~~желательна~~ выписаться, поместила меня в открытую/ днем, конечно/ палату на трех человек / а таких на отделении было всего две/, разрешила взять в эту палату канцелярский письменный стол и тумбочку для моих материалов, разрешила пользоваться авторучкой и, словом, всеми благами, какими я пользовался на 10 отделении.

К комиссии я подготовил письменное заявление с приложением возражений против диагноза "паранояльное развитие личности" и требованием восстановления диагноза "циклотимия".

Комиссия ожидалась со дня на день, но состоялась она через две недели, а именно 24 февраля 1958 года.

Состав комиссии на этот раз был небольшой: помимо председателя С.В. Торубарова, главврача П.В. Блинова и Г.Н. Гоник была только Р.М. Кельчевская и прокурор по надзору Алексеев. Ни профессоров, ни врачей, у которых я был в течение 1957 г., не было.

Войдя в комнату, где заседала комиссия, и не увидев ни Л.А. Калинина, ни других врачей, я выразил недоумение, почему их нет, ведь мне было сказано, что представлять меня будет Л.А. Калинин.

На это С.В. Торубаров сказал, что представлять меня будет Г.Н. Гоник. Почему вы ей не доверяете?

Я сказал, что дело тут не в доверии, а в том, что меня сюда на 4-ое отделение внезапно перевели перед самой комиссией и Г.Н. Гоник просто меня как следует не знает, между тем, как Л.А. Калинин и Л.А. Алексеева, у которых я пробыл весь год, составили обо мне определенное обоснованное представление.

Г.Н. Гоник при этом моем заявлении подала реплику: конечно, она меня еще очень мало знает.

Но Торубаров заявил, что вот так они решили и будут рассматривать мое дело в этом составе.

Я вручил свое заявление и приложенные к нему возражения и протесты против диагноза от 10/1-57 г. экспертизы ЛСПБ.

Они были зачитаны и на этом разговор закончился.

В тот же день Г.Н. Гоник сообщила мне, что комиссия вынесла решение: "Оставить в ЛСПБ для лечения."

Я через врача передал заявление прокурору с протестом против состава и процедуры комиссии.

получил об

Л.Р. Белдюков

03.1990